

Калинина Елена Юрьевна
к.ю.н., доцент, РГПУ им. А.И.Герцена (Санкт-Петербург)

ДОН КИХОТ И САНЧО ПАНСА КАК АРХЕТИПЫ ИСПАНСКОГО ПРАВОСОЗНАНИЯ

Особенности испанского правосознания. Образы Дон Кихота и Санчо как компоненты испанского правосознания.

Пожалуй, самый яркий национальный герой, представляющий образ Испании в мировой культуре, так же как и сама Испания, един в двух лицах: это Дон Кихот с неотделимым от него образом Санчо Пансы. Эти персонажи (или этот двуликий персонаж!) несут и в себе и правовое начало. Право невозможно без своей фундаментальной основы: различения добра и зла, справедливого и несправедливого. Как только человек осознаёт необходимость регулирования коллективного поведения с целью достижения всеобщего блага и пользы, появляется мораль как предвестница права. Основные архетипы сознания отражают те его особенности, которые выстраивают в последующем отношение к праву, то есть являются архетипами правосознания. Дон Кихот и Санчо Панса представляют собой ключевые понятия испанцев о праве в самом широком смысле (противоречия между официальной культурой и народной, правом как идеальным мироустройством и справедливостью как наличием простых жизненных ценностей у каждого человека вне зависимости от социального положения), а также в узком смысле (это самые разные «правовые» зарисовки Сервантеса, например, встреча с каторжниками или губернаторство Санчо).

Остановимся на самых главных чертах этого двойственного правового архетипа. Дон Кихот и Санчо Панса - это пограничный образ, который можно расположить в зоне между Истиной и правдой (справедливостью). Он воплощает стремление человека к недостижимой истине. Дон Кихот принял существование Истины, осознал это существование и посвятил свою жизнь достижению её как цели. Этот человек велик тем, что он имел высшую на земле цель – познать Бога-Истину. Санчо Панса между тем воплощает собой образ справедливости, к которой стремится народ. Санчо Панса – это образ всего народа, его ментальности в его вечном и бесконечном стремлении к справедливости, и он так же как и Дон Кихот сам по себе является пограничным (лиминарным¹) персонажем. Санчо Панса, вероятно, и есть то, что связывает Дон Кихота с земным, плотским, материальным миром. Дон Кихот, в свою очередь, есть духовное продолжение Санчо Пансы, которое и заставляет его трансформироваться, возродиться и даже переродиться (аналогично ершовскому Ивану, который прошёл инициацию через купание в котлах с кипящей и ледяной водой и трансформировался). Так можно заметить, что Дон Кихот представляет собой философское правосознание

¹ Об этом говорит, например: Безerra П. Санчо Панса и Дон Кихот: странствующие двойники // Новый филологический вестник. 2006. №3 С.81-93.

или право должного, то идеальное представление о праве, на которое ориентировано большинство законов, но которые, в сущности, остаются благими пожеланиями или идеальной схемой. Санчо Панса же - типичный пример обыденного правосознания или «живого права». Другие персонажи: герцоги и бакалавры – представители официального правосознания.

Дон Кихот же взламывает стереотипы общей и правовой культуры, а потому вытесняется на периферию и становится маргиналом. Он обрекает себя на изгойство – особый правовой статус, который в процессе развития общества мог быть сакральным (юродивые, нищие, ваганты, дервиши, калики перехожие), однако, зачастую они же могли восприниматься как отверженные, презираемые. Дон Кихот – это образ индивидуалиста, и это делает его не таким как все, что для традиционной общины недопустимо. Вместе с Санчо Пансой Дон Кихот делает попытку выйти из традиционной общественной структуры, что является проверкой этой самой структуры на прочность. Недаром герои проигрывают «борьбу с системой», однако в правосознании испанца эта попытка всё равно будет иметь огромное значение.

Испанский философ С.Мадарьяга писал об «особенной черте испанцев внутри европейского разнообразия - преобладании вертикального компонента воли над горизонтальным, благодаря чему испанец среди всех европейцев - наиболее неутилитарный, наиболее непрактичный, возможно, самый религиозный. Испанский мир - это мир, всегда наполненный людьми чрезмерными, Дон-Кихотами, устремленными вверх, а не вперед»². Это - ключевой момент для понимания испанской мировоззренческой традиции - кихотизма, который станет очень важным для философов «поколения 98-го года». Дон-Кихот - это вертикальный компонент политической и правовой культуры Испании, но ведь всегда существует рядом с первым на протяжении испанской истории и другой, горизонтальный, олицетворяемый Санчо Пансой - элемент прагматизма, разрыва индивидуального и божественного в человеке. Долгое время этот компонент не находил выхода из-за традиционности общества, консерватизма. «Основа общеевропейской традиции имеет два начала: одно, ведущее от мира к Богу, - сотериологическое, направленное на спасение души, и другое, уводящее от Бога в мирскую суету, - эвдемоническое, направленное на поиски земного счастья. Испанцы, как и прочие европейцы, обладали и тем и другим началом европейского наследия, но потустороннее получило у них гипертрофированное развитие в ущерб посюстороннему, земному»³. Именно поэтому позволить возобладать горизонтальному элементу казалось деградацией для нормального испанца, что и объясняет незавершенность пяти буржуазных революций, на протяжении одного лишь XIX века. «Революция предстает как мотор и двигатель развития лишь с точки зрения западноевропейской либеральной политологии, а для испанца - это

² Цит. по: Старостина Е. Политическая культура Испании (соотношение традиционных и новых элементов)//МЭ и МО. - № 2. - 1994. - 41-45 с. С. 44.

³ Там же.

заземление его бытия, нечто глубоко противоречащее национальному инстинкту и историческим традициям»⁴.

Архетип Дурака (Шута, Плути). Божественная сущность.

Образ Дон Кихота настолько многогранен, что рассматривать его можно в самых разнообразных аспектах, когда мы говорим об испанской культуре и правовой культуре, в частности. В данном случае мы рассмотрим этот образ как Шута. Дон Кихота трудно было бы сравнивать с плутом. Он, скорее, представляет образ Дурака, который желает исправить мир, исходя из идеальных понятий о божественной справедливости, которую невозможно установить на земле, которую можно только ожидать как награду после смерти. В этом смысле он является пограничной трагической фигурой, извергнутой из социальной структуры, причём не сколько насильственно, сколько по собственной воле, поскольку он задыхается в предложенных условиях. Он не способен соблюдать правила игры, а потому он выходит из неё, что в обычных условиях означало бы смерть. Однако как истинный испанец Дон Кихот кидает смерти вызов, зная (или предчувствуя), что окажется побеждённым, потому что другого пути нет. В течение столетий пытаются отгадать загадку Дон Кихота, но верный ответ никак не находится. «Под донкихотством понималось и глупое сумасбродство, и опасное для общества стремление повернуть историю вспять, и героический энтузиазм одиночки, и высокие порывы духа, способные спасти людей, погрязших в прагматизме, и многое другое».⁵ Так Дон Кихот умирает и возрождается, что ставит его в один ряд с архетипом божественного, ибо известно, что в основных мировых цивилизациях, как правило, присутствует божество умирающее и возрождающееся, в том числе, в христианстве, с которым Дон Кихот оказывается неразрывно связанным. И ещё на одну связь с божественным в этом архетипе указывает само его прозвище – *ingenioso*, что переведено на русский как хитроумный, поскольку и в латыни есть схожие значения – талантливый, изобретательный, остроумный. Но там же в латыни прослеживается связь и с другим значением – щедро одарённый в смысле что природа или Бог «вдохнули» в него талант к изобретению, то есть творению, откуда и исходит понятие «инженер». Следовательно, прозвище Дон Кихота связано с архетипом демиурга, который творит новые миры.

И сложность эта связана с тем, что Дон Кихот – пограничный символ, выраженный нулём. Он есть всё и он ничто. В нём заложен невысказанный потенциал, который мог бы сделать его равным Христу. Но перевес оказывается на стороне смерти, земного, воплощённого в образе Санчо Пансы. Действительно та великая народность, близость людям приводят героя к гибели, когда он вынужден совершить выбор. Выбор же связан с тем, что пребывание на границе не может быть длительным. Невозможно находиться в нулевом состоянии вечно, и необходимо совершить выбор.

⁴ Там же.

⁵ Багно В.Е. Указ.соч. С.146

Однако же явно прослеживаются черты, роднящие Дон Кихота с Христом, а также – прекрасная параллель в русской литературе – Князь Мышкин. В обоих случаях речь идёт о полной и всеобъемлющей жертвенности, которая не имеет адресата и направлена на всех. Родство с Христом отражает ту сторону символа Дурака, которая связана со смертью. «Не что иное, как открытие смерти приводит нас к Богу, а смерть совершенного человека, Христа, была предельным откровением смерти, смерти человека, который не должен был умереть и умер»⁶. Для Мигеля де Унамуно, создавшего «Евангелие от Дон Кихота» (как он написал в одном из своих стихотворений), этот персонаж отражает всю трагичность испанского мироощущения, о котором он так много рассуждает в своих работах. «Он был человеком героического отчаяния, героем глубочайшего и смиренного отчаяния, вот почему он остаётся вечным образцом всякого человека, чья душа является полем брани между разумом и жаждой бессмертия»⁷. Ортега-и-Гассет называл Дон-Кихота «пародией на Христа»⁸.

С другой стороны, М. де Унамуно отмечал также несомненное сходство Дон Кихота с Игнатием Лойолой, соответственно его Житию.

Христианский символизм Дон Кихота становится особенно важным для правосознания не только как его моральный базис, но и как государственно-правовой. Начиная с Менендеса-и-Пелайо, испанские мыслители связывают понятие нация с христианством. С одной стороны, этот тезис спорный, с другой стороны, христианство действительно сыграло одну из решающих ролей в становлении нации и государственности в Испании, а значит, стало столпом правосознания.

Архетип Дурака (Шута, Плути). Безумие, маргинальность.

Но главное, что указывает на явное отражение средневекового архетипа Шута (Безумца) в образе Дон Кихота – это его сумасшествие, которое многим видится как высшая мудрость. В любом случае это инаковость, особый ум, отличающий его от всех остальных. Это качество вызывает один из важнейших вопросов: действительно ли безумен Дон Кихот или он мудрец, возвышающийся над обществом и не вписывающийся в него, из-за чего он обречён на самое трагическое одиночество. Но в то же время, для целостности архетипа рядом с ним присутствует Санчо Панса, который есть ни что иное как вторая сторона Шута – Плут. Вдвоём они составляют целостный образ, выраженный в средневековом символе Шута.

Очень важно в образе Дон Кихота то, что, как подчёркивал сам Сервантес, он представляет собой не образ рыцаря, а пародию на рыцаря. С одной стороны, мы имеем пародию на рыцарские романы, с другой мы наблюдаем похождения, казалось бы, комического героя, который вечно

⁶ Унамуно, М., де. О трагическом чувстве жизни у людей и народов. С.77

⁷ Унамуно, М., де. О трагическом чувстве жизни у людей и народов. С.128

⁸ См., напр.: Ортега-и-Гассет Х. Размышления о «Дон-Кихоте». – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1997. С.36-37

попадает в нелепые ситуации. Только вот почему-то, вопреки навязываемой автором комичности, смеха приключения незадачливого рыцаря почти не вызывают. Даже напротив, те злые шутки, что играют над ним окружающие его «герцоги и бакалавры», ставшие уже символом глупости и ограниченности, подчёркивают Миссию и пограничность героя. Но это также роднит его со средневековым образом шута: пародия как способ показать «мир наизнанку» и стремление вызвать смех, хотя бы это был злой смех над инаковостью, часто выражающейся в физической неполноценности или уродстве. Всеобъемлющее самопожертвование Дон Кихота проявляется в том, что он, чтобы показать несовершенство мироустройства добровольно готов напялить на себя шутовской колпак и отдаться толпе на осмеяние, как делали средневековые скоморохи. Более того, он подобно русскому юродивому, готов имитировать безумство (или позволять толпе считать себя сумасшедшим), чтобы таким образом выявить пороки людей, власти, общества и государства, показать продажность судей, стяжательство законников, глупость образованных («бакалавров»), низость вышестоящих («герцогов»).

Дон Кихот, Санчо Панса и право.

Итак, Дон Кихот и Санчо Панса вместе представляют собой образ общественного правосознания. В образе Дон Кихота воплощено понятие о праве как об идеальном мире должного. Дон Кихот видит мир не таким, каков он есть, а таким, каким он должен быть. Он видит действительность в понятиях истины, той, которая пока, к сожалению, недостижима, но к которой государства стремятся, постоянно совершенствуя и развивая право как инструмент достижения истинности, идеального состояния общества. Об идеальном государстве, как известно, величайшие умы человечества мечтают с древних времён, и Дон Кихот – это образ человека, принадлежащего не нашему миру, где основой является справедливость, но человеком, достигшим своего идеального государства с идеальным правовым устройством. Эту мысль хорошо иллюстрирует встреча Дон Кихота с уродливыми крестьянками (то, что есть), которых он принимает за прекрасных дам (то, что должно быть). Герой олицетворяет собой истину, в том числе, и в праве, под которую хотелось бы подогнать справедливость. Но последняя каждый раз предстаёт под новой личиной, а потому она не вмещается в тесные рамки, поставленные правом. Это не означает, что право «лучше» справедливости или наоборот. Это всего лишь отражение этих двух феноменов в общественном сознании, в живой действительности. Сервантес показал нам, по сути, строение общественного правосознания в метафорической форме. В нём существует стремление к истине, заложенное позитивным правом, однако эта схема слишком жёсткая и негибкая, чтобы вместить в себя все реальные проявления жизни народа. Поступки Дон Кихота, который руководствовался высшими соображениями, не находят отклика у людей (вспомним, что все его приключения заканчивались неудачно прежде всего для него самого, но также и для спасаемых им

людей). В то же время Санчо Панса со своей парадоксальной народной логикой, олицетворяющий справедливость, всегда оказывается «ко двору». Особенно его таланты оказываются применимы, когда он, наконец, достигает своей цели, становясь губернатором острова. Но долго его правление продолжаться не может, поскольку настоящим инструментом регулирования общественных отношений может являться только жёстко формализованное право, к которому Санчо Панса оказывается неготовым. Он не олицетворяет собой идеал в праве (он лишь поддерживает его), но и жёсткие рамки официального государственного права не могут сочетаться с народным понятием о справедливости.